

Бременские музыканты
Братья Гримм
(пер. с нем. А. Введенского)

Братья Гримм, Якоб (1785—1863) и Вильгельм (1786-1859)

У хозяина был осёл, который целый век таскал мешки на мельницу, а к старости силы его ослабевали, так что он с каждым днём становился негоднее к работе. Пришла, видно, его пора, и стал хозяин подумывать, как бы отделаться от осла, чтобы не кормить его даровым хлебом.

Осёл себе на уме, сейчас смекнул откуда ветер дует. Он собрался с духом и убежал от неблагодарного хозяина по дороге в Бремен.

«Там, — думает он, — можно взяться за ремесло городского музыканта».

Идёт он себе да идёт, вдруг видит на дороге: легавая собака лежит растянувшись и еле дышит, словно до упаду набегалась.

— Что с тобой, Палкан? — спросил осёл. — Отчего ты так тяжело дышишь?

— Ах! — отвечала собака. — Я очень состарилась, с каждым днём становлюсь слабее и на охоту уж не гожусь. Хозяин хотел было меня убить, но я убежала от него, а теперь и думаю думаю: чем же я стану зарабатывать себе насущное пропитание?

— Знаешь ли что, — сказал осёл, — я иду в Бремен и сделаюсь там городским музыкантом. Иди-ка и ты со мной и возьми тоже место при оркестре. Я буду играть на лютне, а ты будешь у нас хоть барабанщиком.

Собака была очень довольна этим предложением, и они вдвоём пошли в дальний путь. Немного времени спустя увидели они на дороге кота с таким пасмурным лицом как будто погода после трёхдневного дождя.

— Ну, что с тобою случилось, старый бородач? — спросил осёл. — Чего ты такой пасмурный?

— Кому же в голову придёт веселиться, когда дело идёт о собственной шкуре? — отвечал кот. — Видишь ли, я старею, зубы мои тупеют — понятно, что мне приятнее сидеть за печкою да мурлыкать, чем бегать за мышами. Хозяйка хотела было меня утопить, да я ещё

вовремя успел удрать. Но теперь дорог добрый совет: куда бы мне идти, чтобы добыть себе дневное пропитание?

— Иди с нами в Бремен, — сказал осёл, — ведь ты знаешь толк в ночных серенадах, так можешь там сделаться городским музыкантом.

Кот нашёл, что совет хорош, и отправился с ними в путь.

Идут три беглеца мимо какого-то двора, а на воротах сидит петух и что есть силы дерёт горло.

— Что с тобою? — спросил осёл. — Ты кричишь, словно режут тебя.

— Да как же мне не кричать? Напророчил я хорошую погоду ради праздника, а хозяйка смекнула, что в хорошую погоду гости придут, и без всякой жалости приказала кухарке сварить меня завтра в супе. Сегодня вечером отрежут мне голову — вот я и деру горло, пока ещё могу.

— А что, красная головушка, — сказал осёл, — не лучше ли тебе убираться отсюда подобиру-поздорову? Отправляйся-ка с нами в Бремен; уж хуже смерти нигде ничего не найдёшь; что ни придумай, всё будет лучше. А у тебя, вишь, какой голосина! Мы будем давать концерты, и всё пойдёт хорошо.

Петуху понравилось предложение, и они вчетвером отправились в путь.

Но до Бремена в один день не дойти; вечером дошли они до лесу, где и пришлось переночевать. Осёл и собака растянулись под большим деревом, кот и петух влезли на сучья; петух взлетел даже на самую верхушку, где ему было всех безопаснее; но как бдительный хозяин он, прежде чем заснуть, осмотрелся ещё на все четыре стороны. Вдруг показалось ему, что там, в дали, горит как будто искорка; он и закричал своим товарищам, что неподалёку должно быть есть дом, потому что мелькает свет. На это осёл сказал:

— Так лучше встанем и пойдём туда, а тут ночлег плохой.

Собака тоже думала, что несколько костей с мясом недурная

была бы пожива. Итак все поднялись и отправились в ту сторону, откуда свет мелькал. С каждым шагом огонёк становился светлее и больше, и наконец они пришли к ярко освещённому дому, где жили разбойники. Осёл как самый большой из товарищей приблизился к окну и заглянул в дом.

— Что ты видишь, чалый приятель? — спросил петух.

— Что я вижу? Стол, уставленный отборными кушаньями и напитками, а кругом стола сидят разбойники и наслаждаются вкусными яствами.

— Ах, как бы это было для нас хорошо! — сказал петух.

— Разумеется. Ах, когда бы нам сидеть за этим столом! — подтвердил осёл.

Тут произошли совещания у зверей, каким бы образом выгнать разбойников и самим на месте их водвориться. Наконец общими силами придумали средство. Осёл должен был упереться передними ногами на окно, собака вспрыгнула на спину осла, кот влез на собаку, а петух взлетел наверх и сел на голову кота. Когда всё было готово, они по данному знаку начали квартет: взревел осёл, завыла собака, замыкал кот, закричал петух. Вместе с этим все дружно бросились в окно, так что стёкла зазвенели.

В ужасе вскочили разбойники и, полагая, что при таком неистовом концерте непременно явилось привидение, они со всех ног бросились в лес дремучий, куда кто мог, и кто поспел, а четыре товарища, очень довольные своим успехом, расселись за стол и так наелись, как будто на четыре недели вперёд.

Наевшись до отвала, музыканты погасили огонь и отыскиали себе уголок для ночлега, каждый следуя своей натуре и привычкам: осёл растянулся на навозной куче, собака свернулась за дверью, кот юркнул на очаг к тёплой золе, а петух взлетел на перекладину. От дальней дороги все очень устали, а потому тотчас и заснули.

Прошла полночь; разбойники издали увидели, что нет более света в доме, и всё казалось там спокойно, тогда атаман стал речь держать:

— А нам не следовало так переполошиться и всем разом бежать в лес.

И тут же приказал одному из подчинённых идти в дом и всё высмотреть хорошенько. Посланному показалось всё тихо, и потому он вошёл в кухню, чтобы зажечь свечку; вынул он спичку и сунул её прямо в глаза коту, думая, что это раскалённые уголья. Но кот шуток не понимает; он фыркнул и вцепился когтями прямо ему в лицо.

Разбойник перепугался и как угорелый бросился в дверь, а тут как раз вскочила собака и укусила его за ногу; не помня себя от страха, разбойник бросился через двор мимо навозной кучи, а тут осёл лягнул

его заднею ногою. Разбойник крикнул; петух проснулся и во всё горло закричал с перекладины: «Кукареку!»

Тут уж разбойник бросился со всех ног, как только мог, и прямо к атаману.

— Ах! — закричал он жалостно. — У нас в доме поселилась ужасная колдунья; она дунула на меня как вихрь и расцарапала мне лицо своими длинными крючковатыми пальцами, а в дверях стоит великан с ножом и нанёс мне рану в ногу, а на дворе лежит чёрное чудовище с дубиной и исколотило мне спину, а на самом верху, на кровле, сидит судья и кричит: «Подавайте-ка мне сюда мошенников!» Тут уж я, не помня себя, давай Бог ноги!

С той поры разбойники никогда уже не осмеливались заглядывать в дом, а бременским музыкантам так понравилось жить в чужом доме, что и уходить им оттуда не хотелось, так они и теперь там живут. А кто последний рассказывал эту сказку, у того и теперь во рту горячо.